

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «САМОЙЛОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 1750/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 мая 2019 года

Вступило в силу 28 мая 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Самойлов против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Хелен Келлер, *Председатель*,
Пере Пастор Виланова,
Мария Элосеги, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя заседание за закрытыми дверями 7 мая 2019 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 1750/11), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Валерием Николаевичем Самойловым (далее — «заявитель») 3 декабря 2010 года.

2. Интересы заявителя представляла Е. Бреева, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 25 октября 2017 года Власти были уведомлены о жалобах на проведение закрытого разбирательства и на раскрытие личной информации заявителя, а остальные жалобы были признаны неприемлемыми согласно пункту 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель 1958 года рождения проживает в г. Москве. С 1995 года и до ухода на пенсию 21 августа 2006 года он являлся прокурором Северо-Западного административного округа г. Москвы.

А. Уголовное судопроизводство в отношении заявителя

5. 29 мая 2007 года Московская городская прокуратура возбудила уголовное дело в отношении деятельности группы бывших и

действующих сотрудников и должностных лиц правоохранительных органов.

6. 24 апреля 2008 года заявитель был задержан и заключен под стражу до завершения следствия и суда (см. постановление Европейского Суда от 24 января 2012 года по делу «Валерий Самойлов против России» (*Valeriy Samoylov v. Russia*), жалоба № 57541/09).

7. 23 июля 2009 года прокурор завершил расследование в отношении пятнадцати подозреваемых, включая заявителя, и передал дело в Московский городской суд.

8. 5 августа городской суд провел предварительное слушание и принял решение об отказе в открытом слушании уголовного дела. Суд, в частности, постановил следующее:

«[Суд] рассмотрит настоящее дело в закрытом заседании. Материалы дела содержат информацию, представляющую собой государственную тайну, и разглашение такой информации может иметь существенные негативные последствия для интересов общества и государства».

9. 24 мая 2010 года присяжные вынесли вердикт о виновности заявителя.

10. 9 июня 2010 года городской суд приговорил заявителя к девяти годам лишения свободы и штрафу в размере 500 000 рублей. Заявитель обжаловал данное постановление, жалуюсь, в частности, на непроведение публичного слушания.

11. 16 ноября 2010 года Верховный Суд Российской Федерации провел слушание дела по кассации. Суд заслушал прокурора, гражданскую сторону, обвиняемых, включая заявителя, и их адвоката. Суд оставил приговор заявителя по существу без изменений, но сократил наказание, назначенное заявителю до восьми лет лишения свободы. Что касается жалобы заявителя на непроведение публичного слушания, то суд заявил следующее:

«... суд [первой инстанции] обосновал свое решение о рассмотрении дела в закрытом заседании. Материалы дела содержат документы, представляющие собой государственную тайну, и разглашение такой информации может повлечь серьезное нарушение [интересов] общества и государства».

Б. Разбирательство по гражданским искам, поданным заявителем

12. 10 сентября 2009 года главный государственный телевизионный канал транслировал передачу об обстоятельствах уголовного дела в отношении заявителя. Ведущий программы сказал, что заявитель, бывший районный прокурор, жил на незаконные доходы, и что стоимость его имущества значительно превышала его доходы. Он также утверждал, что стоимость дома заявителя составляла 2 миллиона долларов США. В программе были показаны кадры двухэтажного

дома заявителя и его интерьера, а также налоговые декларации заявителя и членов его семьи. Также была показана фотография заявителя в форме прокурора.

13. В неустановленный день заявитель и его жена подали гражданский иск о возмещении ущерба против телевизионного канала, указав, в числе прочего, что компания-ответчик не получила их согласие на разглашение их персональных данных, включая налоговую информацию, а также на видеосъемку их дома и его интерьера.

14. 18 мая 2010 года Останкинский районный суд отказал в удовлетворении всех исковых требований заявителя. В частности, суд постановил:

«Средства массовой информации неоднократно сообщали и продолжают сообщать о финансовом положении и доходах высокопоставленных должностных лиц. Следовательно, суд считает возможным сослаться на практику [Европейского Суда по правам человека] и отмечает, в частности, что журналистская свобода также допускает некоторую степень преувеличения или даже провокации. [Суд сослался на постановление Суда по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (*Prager and Oberschlick v. Austria*) (26 апреля 1995 года, серия А № 313).]

Принимая во внимание вышесказанное, суд признает, что точная стоимость принадлежащего истцам дома, точная сумма их доходов и точная сумма их недвижимого имущества являются несущественными в обстоятельствах настоящего дела. Самый важный вопрос заключается в том, что стоимость их дома не соответствует уровню их дохода.

... Согласно инвестиционному соглашению ... стоимость дома была оценена в ... 60 000 долларов США ..., которая не включает стоимость интерьера, включая винтовую лестницу и джакузи ... [Один из свидетелей со стороны истцов] утверждал, что дом был предложен [заявителю] по сниженной цене, благодаря его дружбе с руководством строительной компании ... [суд] считает это несовместимым с должностью прокурора. [Суд] также принимает во внимание тот факт, что истцы имели право собственности на дом, зарегистрированное на основании договора купли-продажи ... Соответственно, в дополнение к сумме, выплаченной в соответствии с инвестиционным соглашением ... истцы заплатили значительную сумму денег, превышающую уровень их дохода ... и сумму, которую они получили при продаже своей трехкомнатной квартиры ... эквивалентную 50 000 долларов США ...

... В соответствии с [Федеральным законом Российской Федерации «О средствах массовой информации»] журналист должен получить согласие на разглашение информации, касающейся частной жизни лица, от этого лица или его представителя, за исключением случаев, когда такое разглашение необходимо для защиты общественных интересов. [Суд] считает, что это правило применялось, когда [журналист] раскрывал информацию о доходах семьи прокурора. Это было оправдано общественными интересами. Поднятый в программе вопрос о доходах государственного служащего и стоимости его имущества представляет общественный интерес.

Суд считает, что требования [заявителя] о том, что сторона-ответчик должна дать опровержение представленной в телепередаче информации о том, что [заявитель] занимался преступной деятельностью и незаконно получил от

предпринимателя 500 000 долларов США, также должны быть оставлены без удовлетворения.

...

... [журналист] представил в телепередаче доказательства, содержащиеся в материалах уголовного дела, в том числе справку о доходах истцов, видеозапись с изображением дома истцов и выдержки из их телефонных разговоров. Журналист получил эти материалы законно, с разрешения следователя. Журналист оценил эти доказательства. Точность его оценки не подлежит проверке, поскольку такая проверка должна проводиться [в ходе расследования уголовного дела].

... По словам Самойловой (жена заявителя и истец), Московский городской суд рассматривает уголовное дело в отношении [заявителя] ... [Суд считает], что журналист представил общественности свое мнение о том, что имеются доказательства, подтверждающие, что [заявитель] причастен к совершению преступлений, в которых он обвиняется; [журналист] прокомментировал расследование уголовного дела, продемонстрировал собранные доказательства и оценил их.

...

... Суд считает, что [журналист] представил доказательства, подтверждающие его заявления о причастности [заявителя] к незаконной деятельности, и отклоняет требования истцов».

15. 20 декабря 2010 года городской суд оставил постановление от 18 мая 2010 года без изменений по апелляции.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

16. Заявитель жаловался на проведение закрытого судебного разбирательства по его уголовному делу в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела ... Судом ... Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

17. Власти утверждали, что решение суда о рассмотрении дела в ходе закрытого заседания соответствовало внутригосударственному законодательству и Конвенции, поскольку это было необходимо для защиты общественного порядка и безопасности. Общественность не

была допущена на судебное разбирательство, чтобы предотвратить разглашение секретной информации. Наконец, Власти утверждали, что заявитель не смог доказать, что судебное разбирательство, проведенное при закрытых дверях, повлияло на законность и справедливость приговора.

18. Заявитель настаивал на своей жалобе.

А. Приемлемость жалобы

19. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

20. Суд изначально отмечает, что принципы, касающиеся права на публичное разбирательство, прочно установлены в устоявшейся практике Суда (см., среди прочих прецедентов, постановление Европейского Суда от 20 мая 1998 года по делу «Готрен и другие против Франции» (*Gautrin and Others v. France*), пункт 42, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998 III; постановление Европейского Суда от 8 декабря 1983 года по делу «Претто и другие против Италии» (*Pretto and Others v. Italy*), пункт 21, Серия А № 71; постановление Европейского Суда от 28 июня 1984 года по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» (*Campbell and Fell v. the United Kingdom*), пункт 87, серия А № 80; и, *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мартини против Франции» (*Martinie v. France*), жалоба № 58675/00, пункт 40, ECHR 2006-...).

21. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в уголовном деле в отношении заявителя городской суд назначил судебное разбирательство в закрытом заседании, сославшись на наличие государственной тайны в материалах дела (см. пункт 8 выше). В этой связи Суд напоминает, что один лишь факт присутствия засекреченной информации в материалах дела не предусматривает автоматически необходимость проведения закрытого слушания без соблюдения баланса между публичностью и соображениями национальной безопасности. Сохранение тайн может иметь важное значение для государства, но гораздо важнее обеспечить правосудие с соблюдением всех необходимых гарантий, из которых одной из наиболее важных является гласность. Прежде чем исключить присутствие общественности из уголовного процесса, суды должны

сделать конкретные выводы о том, что слушание при закрытых дверях необходимо для защиты важных государственных интересов и ограничить секретность в той мере, в какой это необходимо для защиты таких интересов (см., например, постановление Суда от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, пункт 187, и постановление Суда от 4 декабря 2008 года по делу «Белашев против России» (*Belashev v. Russia*), жалоба № 28617/03, пункт 83).

22. Суд не видит в доводах Властей ничего, что говорило бы о том, что в настоящем деле эти условия были выполнены. Городской суд не указал оснований для проведения судебного разбирательства при закрытых дверях. Он не указал, какие документы в материалах дела считались содержащими государственную тайну или какое отношение они имели к характеру предъявленных заявителю обвинений. В любом случае, по мнению Суда, меры, применяемые для обеспечения защиты государственной тайны, должны тщательно подбираться в каждом конкретном деле и соответствовать принципу необходимости. Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими и обеспечивают достижение той же цели (сравните с постановлением Суда от 28 октября 2010 года по делу «Крестовский против России» (*Krestovskiy v. Russia*), жалоба № 14040/03, пункт 29). Суд отмечает, что в настоящем деле суд первой инстанции не предпринял таких усилий. Это не объясняет, почему, к примеру, нельзя было провести при закрытых дверях лишь ту часть слушаний, на которых были рассмотрены секретные документы.

23. В целом, Суд приходит к выводу, что суд первой инстанции не уделил должного внимания праву заявителя на открытое заседание.

24. Наконец, Суд не оставляет без внимания тот факт, что слушание дела в кассационной инстанции было открытым. Однако, как уже неоднократно отмечалось ранее, проведение закрытого слушания не может быть исправлено ничем иным, кроме как проведением пересмотра дела полностью в вышестоящей судебной инстанции (см. постановление Суда по делу «Рипан против Австрии» (*Riepan v. Austria*), жалоба № 35115/97, пункт 40, ECHR 2000-XII).

25. Факты настоящего дела показывают, что пересмотр дела, осуществленный Верховным Судом РФ, не имел должного охвата. Суд кассационной инстанции действительно мог пересмотреть дело с точки зрения вопросов права и фактов и пересмотреть приговор. Однако, кроме проведения опроса заявителя и других подсудимых, суд больше не получил никаких доказательств.

26. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд не видит оснований для отказа в проведении публичного слушания по данному делу в суде первой инстанции. Он также не считает, что непроведение

публичного слушания было исправлено публичным слушанием дела в суде кассационной инстанции. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

27. Заявитель жаловался на раскрытие его личной информации в телепередаче. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной ... жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

28. Власти оспорили данный довод. Они указали, что заявитель являлся прокурором, и действующее законодательство позволяло средствам массовой информации публиковать информацию, касающуюся его доходов, в рамках мер по борьбе с коррупцией. Национальные суды проверили достоверность информации, касающейся заявителя. Ссылаясь на выводы национальных судов (см. пункт 14 выше), власти Российской Федерации считали, что национальные судебные органы обеспечили баланс между правами заявителя и правом журналиста на свободу выражения и отдали приоритет правам изложенным в статье 10 Конвенции.

29. Заявитель настаивал на своей жалобе. Он отметил, что на момент оспариваемого преступления он не являлся прокурором, поскольку он ушел в отставку в 2006 году. Он также не обвинялся в коррупции.

30. Суд признает, и Власти не утверждают обратное, что освещение в телевизионной программе уголовного расследования по делу заявителя, сопровождаемое показом его фотографии, справки о доходах и видеозаписей его дома, затрагивало сферу его личной жизни по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции.

31. Суд также отмечает, что вопрос в настоящем деле заключается не в действии государства, а в предполагаемой недостаточности обеспеченной внутригосударственными судами защиты личной жизни заявителя. Ссылаясь на принципы, прочно установившиеся в практике Суда (см. среди многих других примеров, постановление Большой Палаты по делу «Кудерк и Хашетт Филипакки Ассосьес против Франции» (*Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*), жалоба № 40454/07, пункты 83-92, ECHR 2015 (извлечения); постановление

Большой Палаты от 7 февраля 2012 года по делу «Аксель Спрингер АГ против Германии» (*Axel Springer AG v. Germany*), жалоба № 39954/08, пункты 78-88, и постановление Большой Палаты по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany*), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, пункты 95-107, ECHR 2012), он рассмотрит вопрос о том, был ли обеспечен справедливый баланс между правом заявителя на защиту его личной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции и правом журналиста на свободу выражения, гарантированным статьей 10.

32. Рассмотрев постановления, вынесенные национальными судами на двух уровнях юрисдикции, Суд отмечает, что национальные судебные органы признали конфликт между двумя противоположными интересами и обеспечили баланс между конкурирующими интересами.

33. Суд отмечает, что национальные суды установили, что оспариваемая телевизионная программа способствовала обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес, информируя общественность об уголовном расследовании деятельности группы бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц. Суд также отмечает, что национальные суды вне разумного сомнения установили, что оспариваемая заявителем информация имела достаточную фактологическую основу, учитывая, что журналист получил ее официально из материалов уголовного дела. Суды сочли, что информация, представленная в телевизионной программе, являлась мнением журналиста, который изучил доказательства, полученные в ходе расследования уголовного дела, и на этом основании сделал свои собственные выводы.

34. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд полагает, что государство обеспечило адекватную защиту прав заявителя, изложенных в статье 8 Конвенции. Национальные суды тщательно изучили этот вопрос и обеспечили баланс между конкурирующими интересами в соответствии со стандартами Конвенции и опирались на существенные и достаточные основания (см. упоминаемое выше постановление по делу «Аксель Спрингер АГ против Германии», пункт 88). Телевизионная программа транслировалась в контексте дебатов по вопросу, представляющему общественный интерес, в связи с чем требовался высокий уровень защиты свободы выражения мнения, и при этом властям предоставлялись особенно узкие пределы свободы усмотрения. Таким образом, суды обоснованно установили, что общественный интерес в представлении рассматриваемой информации перевешивал право заявителя на защиту его личной жизни.

35. Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

36. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

37. Заявитель требовал 64 400 евро (оценка заявителем причитающегося ему платежа за работу, выполненную при отбывании наказания в виде лишения свободы) и 967 800 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда соответственно.

38. Власти заявили, что, если Суд признает нарушение прав заявителя, изложенных в Конвенции, он может вынести решение в соответствии со своей устоявшейся практикой.

39. Суд не усматривает какой-либо причинной связи между признанным нарушением и заявленным имущественным ущербом; следовательно, Суд отклоняет данное требование. Что касается требования о компенсации морального вреда, то Суд не считает необходимым присуждать компенсацию в обстоятельствах настоящего дела (см. для сравнения постановление Суда от 16 декабря 2014 года по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09, пункт 315). Далее Суд обращается к своей устоявшейся практике, согласно которой в случае нарушений прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были, и в принципе, наиболее подходящей формой компенсации было бы повторное судебное разбирательство, если заявитель о таковом ходатайствует (см., с учетом необходимых изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба 46221/99, пункт 210 *in fine*, ECHR 2005-IV, и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 263). В данной связи Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что производство может проведено повторно, если Судом установлено нарушение Конвенции.

Б. Расходы и издержки

40. Заявитель также требовал 150 000 рублей и 28 950 рублей в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств во внутригосударственных судах и в Европейском Суде.

41. Власти оставили требование без комментариев.

42. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и собственную прецедентную практику, Европейский Суд считает целесообразным присудить 600 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

43. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобы на непроведение публичных слушаний приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;
2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
3. *постановил*, что установление факта нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда;
4. *постановил*:
 - (а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявителю в качестве возмещения судебных расходов и издержек 600 (шестьсот) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

5. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 28 мая 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Хелен Келлер
Председатель